

УДК [001:930] (477.75)–057.4

К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГЕОГРАФИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Н. Л. ЭРНСТА В КРЫМУ

Непомнящий А. А.

На основе документов рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и следственного дела краеведа предпринята попытка воссоздать историю археологических раскопок и разведок Н. Л. Эрнста в Крыму.

Ключевые слова: Н. Л. Эрнст, археологические раскопки и разведки, крымоведение.

При воссоздании научной биографии крупнейшего деятеля крымоведения 30-х годов XX века Николая Львовича Эрнста интересным было восстановление перечня археологических объектов, которые им исследовались. Опираясь на документы рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН и собственноручно составленный Н. Л. Эрнстом «Список археологических раскопок, разведок и обследований Эрнста н. л. в Крыму, 1921–1937» мы постарались воссоздать географию археологических разведок и раскопок краеведа.

Уже в 1921 году совместно с Г. А. Бонч-Осмоловским Н. Л. Эрнст проводил археологические исследования поселения раннего железного века у пещеры Кизил-Коба Симферопольского района. Обнаруженный здесь археологический материал впоследствии был выделен как Кизил-Кобинская археологическая культура, соотносимая в современных исследованиях с этнической историей тавров.

В 1923 году Г. А. Бонч-Осмоловский, С. И. Забнин, Н. Л. Эрнст и Ф. А. Фильструп [1] начали раскопки в районе деревни Тав-Кипчак Симферопольского района [2]. С 5 по 11 июня того же года Николай Львович находился в деревне Лимены под Алупкой, где обследовал самовольные раскопки, произведенные местными жителями с целью поиска драгоценностей [3]. Сохранился составленный им отчет о командировке (машинопись с собственноручной подписью) [4].

С 1923 года Г. А. Бонч-Осмоловский совместно с Н. Л. Эрнстом на базе практики студентов географического факультета Ленинградского государственного университета при финансировании Русского музея и Главнауки Наркомпроса РСФСР начали систематические исследования доисторических культур Крымского полуострова. С 1923 по 1926 год ученые осмотрели свыше 80 пещер и открытых стоянок. «Благоприятные результаты были получены в 8-ми пунктах» [5]. По мнению археологов, наиболее древними следами человека не только в Крыму, но и в СССР оказались культура пещеры Киик-Коба, расположенная около села Кипчак в предгорной части Крыма (долина реки Зуя, в 25 верстах на восток от Симферополя).

Газета «Красный Крым» в августе 1924 года подробно освещала ход раскопок Н. Л. Эрнста близ деревни Бахчи-Эли, где было обнаружено скифское погребение [6].

О своих археологических «подвигах» Николай Львович постоянно информировал родных. 23 октября 1924 года он сообщал в Киев брату Федору Львовичу: «КрымСовнарком потребовал, чтобы копать татарскую старину в Бахчисарае. Пришлось копать. Вышло довольно занятно. Копал я вместе с московским археологом Башкировым [7]. Раскапывали древнее татарское кладбище около станции. Выкапывали старые ушедшие в землю надгробия, оказавшиеся очень интересными, в виде саркофагов (но не пустых внутри) с великолепными орнаментами арабскими и византийскими и прекрасными надписями. Датированы концом XIV-го – началом XV-го века. Раскопали и несколько погребений и также один фамильный склеп с пятью покойниками, очень интересный по строительной конструкции» [8].

Информацию о других раскопках Н. Л. Эрнста содержит письмо к академику И. Ю. Крачковскому от 24 октября 1924 года профессора Крымского университета В. И. Филоненко. Там подробно рассказывается о результатах археологических открытий этого года, которые Николай Львович сделал совместно с московскими историками и археологами Алексеем Степановичем Башкировым и Ильей Николаевичем Бороздиным в Старом Крыму (древнем Солхате) [9]. Об этих же раскопках И. Ю. Крачковскому подробно писал Арсений Иванович Маркевич [10]. Речь идет о научной экспедиции Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, которая проводилась совместно с Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения. Работы финансировались Совнаркомом Крымской АССР.

В археологический сезон 1924 года Н. Л. Эрнст также изучал городище у деревни Ягмурча у Симферополя [11]. Сохранился его неопубликованный доклад «Городище у дер. Ягмурча у Симферополя» (автограф) [12]. Летом Николай Львович во главе собственной экспедиции, организованной Центральным музеем Тавриды при содействии КрымОХРИСа, копал курганы в окрестностях крымской столицы [13]. Удалось выявить написанный Н. Л. Эрнстом карандашом «Дневник раскопок курганов у Симферополя летом 1924 г.» с фотографиями находок и участников исследования [14], машинописный отчет о работах с подписью Н. Л. Эрнста [15] и «Опись коллекции древностей из раскопок Центрального музея Тавриды, г. Симферополь летом 1924 г.» [16].

В сезон 1924 года Николай Львович также традиционно не преминул поучаствовать в исследованиях своего ленинградского друга Г. А. Бонч-Осмоловского, который изучал древности пещер Кизил-Коба и Кош-Коба [17]. Согласно плану исследований КрымОХРИСа по изучению культуры крымских татар были также проведены раскопки кладбища XIV – XV века в Бахчисарае [18].

Согласно «Плану раскопок Симферопольского Центрального музея крымовеждения» на 1925 год [19] Николай Львович продолжал исследования курганов в окрестностях Симферополя. В газете «Красный Крым» он поместил информацию об этих раскопках, проведенных экспедицией Центрального музея Тавриды под его руководством, в частности – в районе Бахчи-Эли – Красная горка [20]. Сохранились «Дневник раскопки кургана у Симферополя в 1925 г.» (автограф) [21] и отчет о произведенных работах [22]. Кроме запланированных раскопок ученый занялся в 1925 году обследованием остатков укрепления Кыз-Кермен. О них в Центральный

музей Тавриды сообщил краевед Е. Вавилов, который «набрел на это место» и настоятельно рекомендовал музейщикам провести там охранные мероприятия [23].

В 1925 году в Крым приехали московские профессора по кафедре антропологии МГУ Виктор Валерианович Бунак (1891–1979) (одновременно – директор Антропологического института) [24] и Борис Сергеевич Жуков (1892–1933) [25] – специалисты по первобытной археологии, с которыми Н. Л. Эрнст был к этому времени уже знаком. В качестве членов комиссии Главнауки Наркомпроса РСФСР они должны были ознакомиться с раскопками в пещере у Тав-Кипчака близ села Зуя, которыми руководил Г. А. Бонч-Осмоловский и участвовал Н. Л. Эрнст. С того времени между учеными завязалось тесное сотрудничество. В том же году Николай Львович приезжал к Б. С. Жукову в Москву в Антропологический музей МГУ, с отчетами о находках в Крыму. Б. С. Жуков неоднократно после этого бывал в Крыму, проводил здесь раскопки: летом 1927 года (совместно с О. Н. Бадером) [26], летом 1928 года на Яйле [27], в заливе Ласпи и на Ай-Тодоре [28], летом 1929 года в рамках Черноморской палеоэтнологической экспедиции [29]. В этих же исследованиях постоянно участвовал Н. Л. Эрнст [30].

Благодаря В. В. Бунаку Н. Л. Эрнст познакомился с Вильгельмом Вильгельмовичем Лоренцом, переехавшем в 1923 году из Москвы в Крым на постоянное место жительства с рекомендательным письмом от В. В. Бунака [31]. С 1923 по 1926 год В. В. Лоренц был неизменным спутником Н. Л. Эрнста во время раскопок древних захоронений.

Совместные раскопки 1926 года, проведенные Г. А. Бонч-Осмоловским и Н. Л. Эрнстом в Биюк-Сюрени Бахчисарайского района, широко освещались в научной периодике тех лет [32]. Собранные там памятники эпохи палеолита были переданы в московские и ленинградские музеи. В этом же году Н. Л. Эрнст провел исследования византийских склепов у деревни Скеля в Байдарской долине и городища Неаполис [33], которые принесли комплекс ценных находок, переданных в Центральный музей Тавриды [34]. Археологу удалось проследить на Неаполе участок южной оборонительной стены с воротами, остатками каменных построек и полужемлянок, хозяйственные ямы. Для материальной культуры Неаполя, по его мнению, была характерно смесь как местных (скифских и таврских), так и греческих, и римских элементов. Основным результатом работ стала первая стратификация культурных отложений городища и формирование понятия «неапольская культура» [35].

Согласно «Плану археологических раскопок и разведок Центрального музея Тавриды на 1927 год» [36] 22–23 апреля были проведены археологические разведки у деревни Топчи-кой [37]. 13–15 июня Н. Л. Эрнст занимался обследованием случайных и самовольных раскопок погребальных склепов у колонии Нейзац [38]. Уже осенью – 2–6 октября – были продолжены археологические разведки погребальных склепов на Неаполе [39].

В конце 20-х – 30-е годы археологические исследования, как и историческая наука в целом, были полностью подчинены обслуживанию правящей идеологии. Под это были ориентированы не только музейные экспозиции, но и полевые исследования. Все несогласные и даже просто недовольные безжалостно уничтожались

[40]. В архивном фонде «Центральный музей Тавриды», который отложился в Государственном архиве в Автономной Республике Крым, сохранились планы и отчеты Археологического отдела музея, составленные Николаем Львовичем. Они проливают свет на ежедневную кропотливую работу крымского ученого. Так, в 1926–1927 бюджетном году проводилась инвентаризация коллекций, поступления 1926 года, проверка инвентаря 1921 года. Создавался иллюстративный материал в виде карт, чертежей, рисунков и фотографий: общая археологическая карта Крыма, карта связей Крыма с мировыми торговыми путями, карта средневекового Крыма, планы и разрезы палеолитических пещер, планы и схемы античных городов, средневековых укреплений, рисунки ледниковой фауны, скифского быта, быта античных колоний. Одновременно шла монтировка коллекций – перешивка экспонатов фонда на новые картоны и пополнение ими витрин. Под неустойчивые экспонаты изготавливались подставки. Коллекция перегруппировывалась, Средневековый отдел был перемещен в помещение, освобожденное Этнографическим отделом. Фонд Археологического отдела активно пополнялся поступлениями из Херсонесского и Ялтинского краеведческого музеев. Коллекция Средневекового отдела пополнилась поступлениями из Керчи, Феодосии и Херсонеса. Одновременно в музей привозились так называемые «беспризорные» памятники из различных мест Крыма (каменные бабы из Алупки, Перекопа, Симферопольского района и Херсонеса; мраморы из Партенита и Кара-Сана; греческие надписи из различных мест горного Крыма). Одновременно Доисторический отдел пополнялся коллекциями, частично передаваемыми из Русского музея, благодаря постоянным раскопкам Г. А. Бонч-Осмоловского, Т. Ф. Геллаха и Н. И. Репникова. Так же были переданы вывезенные ранее древности из раскопок Неаполя Одесским археологическим музеем, Государственным Историческим музеем в Москве и Эрмитажем. Проводились обмеры и зарисовки, фотографирование Перекопского вала и укреплений, археологические исследования Неаполя, Аталык-Эми, обследование укреплений Юстиниана в горном Крыму (съемка планов, обмеры, фотографирование), обследование «пещерных» городов (Эски-Кермен, Качи-Кальен) и средневековых укреплений горного Крыма (Сюреньская башня и укрепление у деревни Коккозы) [41]. Сотрудники музея пытались проводить и охранные мероприятия через рассылку соответствующих разъяснений в сельсоветы и проведение разъяснительных бесед с населением.

В эти годы Центральный музей Тавриды предполагал активно проводить «разведывательную работу по раскопкам палеолита в пещерах Симферопольского района», стоянок на Яйле, древних поселений около Симферополя по Феодосийской трассе и курганов в окрестностях Симферополя. Музей собирался развернуть работы по археологическому изучению Тепе-Кермена и Эски-Кермена, начать раскопки городища Чуфут-Кале и татарских древностей в Старом Крыму. Так же планировались исследования и более мелких «пещерных» поселений – Мармара и Шулдан, развернуть раскопки на Мангупе (намечалось на 1929 год), раскопки татарских древностей в Старом Крыму в 1929 году предполагалось распространить и на Кара-субазар. Эти же работы Н. Л. Эрнст и его коллеги планировали продолжить в 1930 году [42].

В археологический сезон 1927 года Н. Л. Эрнст принял участие в руководимой Г. А. Бонч-Осмоловским Крымской экспедиции Зоологического музея АН СССР. Основным занятием ученых было окончить исследования стоянки Кукрек вблизи села Кипчак и скалистого навеса Сюрень I у реки Бельбек, раскопки которого начаты были в 1926 году [43]. По указанию Н. Л. Эрнста проводилась и разведка окрестностей. Под его руководством студентами С. Н. Бибиковым, Е. К. Борисевичем и Е. В. Жировым вблизи Сюреньской башни был открыт новый пещерный монастырь, до того времени неизвестный. Николай Львович занимался его исследованием [44].

Согласно «Плану археологических исследований Центрального музея Тавриды в 1928 г.» [45], Н. Л. Эрнст намеревался продолжить разведки на территории Бахчисарайского, Джанкойского и Карасубазарского районов и раскопки на Неаполе, для чего просил выдать открытый лист [46].

1928 год ознаменовался крупной научной экспедицией по изучению археологических памятников крымскотатарской культуры, инициатором проведения которой стал Совнарком Крымской АССР. В течение второй половины лета Николай Львович совместно с О.-Н. А. Акчокраклы и У. А. Боданинским работал по программе Государственного музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Н. Л. Эрнст руководил работами по расчистке медресе около мечети Узбека в Старом Крыму. В исследовании также приняли участие архитектор П. И. Голландский, стажер Меметов, а также «молодые краеведы» Н. Мяксютенко и Б. Маринович. Работы проводились трудами десяти сотрудников Союза «Рабземлес», «приобретших определенную квалификацию на раскопках предыдущих городов» [47]. В ходе работ был выяснен в полной мере план здания, собраны значительные коллекции монет, обломков гончарной фаянсовой посуды, архитектурных, скульптурных и эпиграфических фрагментов XIII – XIV в. Экспедиция финансировалась по линии Наркомата просвещения Крымской АССР. Расходы составили 1500 рублей [48].

В августе 1928 года Н. Л. Эрнстом совместно с О.-Н. А. Акчокраклы и У. А. Боданинским была продолжена работа по фиксации, изучению и реставрации памятников крымскотатарской старины в районах Карасубазара и Солхата. Сохранились акты «Об осмотре исторических памятников города Кара-Су-Базара» от 8 августа и Старого Крыма – от 10 августа 1928 года. Согласно первому документу «обнаружено, что древние памятники этого города брошены на произвол судьбы, смотритель памятников города сокращен с марта месяца и в городе происходят невиданные вандализмы:

Особая комиссия по Госфондам в лице своего карасубазарского уполномоченного гр[ажданина] Судакевича совместно с начальником райгормилиции гр[ажданином] Ибраимовым успели за это время разобрать в городе минареты старинных мечетей: а) Курман-Али, б) Кара-Халиль и в) Шах-Мурат. Притом, разбор происходит без ведома инспектуры по делам музеев, без всякой предварительной фиксации, без обмеров, без описания. Минареты эти никому не мешали, стояли очень крепко, являя собою известное техническое достижение в области антисейсмического строительства, которое нам необходимо изучать и методы старого строительства применять в области нашего крымского современного строительства. Система постройки минаретов в настоящее время служит весьма интересной и не изу-

ченной проблемой: большинство минаретов имеют или круглый, или многогранный план, строятся на дубовых сваях, каждое кольцо кладки укрепляется рядом железных скоб, отверстия между ними и каменными блоками заливались свинцом. В центре минарета проходит каменная винтовая лестница со стержнем, который от самого низа до площадки укрепляется железными штырями по вертикали. Таким образом, весь массив минарета представляет собою монолит, покоящийся на упругом основании в виде свай. Минареты в Крыму пережили десятки сильных землетрясений и стоят все как ясные доказательства преимуществ определенных методов антисейсмического строительства. Разбирать же без толку и без пользы для государства такие памятники, по решению совершенно не компетентных представителей местных властей, является актом вредным для государства в смысле культурном, техническом и даже экономическом потому, что никаких материальных выгод это дело не несет, а теряем мы гораздо больше.

Кроме того замечено нами интенсивное разрушение «Каравансарая и <нрзб>-Таш-Хач», малого «Таш-Хач» и минарета Тор-Джами, где покрытие было сорвано ветром» [49].

Члены экспедиции, к которым в Старом Крыму присоединился П. И. Голландский, отметили, что «при осмотре территории раскопок руин древнего медресе рядом с мечетью Узбека с целью фиксации состояния памятника перед продолжением работ по расчистке его, начатых в 1925 и 1926 гг., нами на территории памятника усмотрена следующая картина:

1. Раскопаны до фундамента вдоль восточной стены здания следующие участки-квадраты (по разбивке генерального плана): 7N, 8N, 9N, 10N, 11N, 12N, комната на участке 7.0 и смежных, участках 8.0, 9.0, 10.0, 11.0, 12.0, 8P, 10P, 11P, 12P, 8Q, 9Q, 10Q, 11Q, 12Q, а также узкая траншея вдоль всей восточной внешней стены здания.

2. Вдоль Западной стены здания раскопаны следующие участки: комната на уч[астке] 6С и смежных раскопана ниже уровня пола до разных глубин в разных местах, большая комната-ниша западной стены на уч[астках] 9С, 9Д, и 9Е и смежных раскопана до пола комната на уч[астке] 12С и смежных раскопана до перекрытия склепа, а также раскопан самый склеп, раскопаны узкие траншеи вдоль внутренних стен западного комплекса здания на уч[астках] 11Е, 5Е, 6Е, 7Е, а также узкая траншея вдоль всей западной наружной стены здания.

3. В Северо-западном углу здания узкими траншейками нащупаны стены коридора и двух комнат.

4. Раскопана траншея по участкам 12Е, 12F, 12G, 12Н, 12J, 12К, 12L, 12М и траншея по уч[асткам] 13L, 14L, 15L, в северной нише двора, обе до каменной вымостки двора и ниши.

Откопанные массивы здания с архитектурными профилями в верхней части по швам промазаны жирной глиной с примесью резаной соломы, чем предохранены успешно от разрушения. Дурбе-мавзолей в С-3. Угол территории перекрыт деревянным сооружением с двухскатной крышей для предохранения этой части здания от вод. Края всех траншей сильно осыпались, так что верхние обрезы отступили от нижних на 0,51–1,00 м. Расчищенные части, как например, плиточный пол, покрыты

землей, мусором, сорной травой и бурьяном, также как и поверхность нерасчищенной части памятника. Вдоль всей расчищенной части восточной стены на небольшом расстоянии от нее вне здания навалена целая гора мусора из раскопок около 2,00 м. высотой. Вся территория раскопок ограждена колючей проволокой с калиткой в восточной части, но калитка не запирается. В Ю-3 углу линия ограждения расстроена. На остатках стен и сводов свежих разрушений нами не усмотрено.

Для фиксации общего состояния памятника сняты 7 фотографий 13 x 18 см.

Для начала раскопочных работ постановили:

1. Восстановить разбивку территории на двухметровые участки согласно имеющемуся в распоряжении экспедиции плану.
2. Для работ использовать сохранившиеся у смотрителя древностей Э. Я. Бэра старое оборудование экспедиции 1926 г.
3. Изготовить отсутствующие необходимые предметы, как-то колки, сита, грота и пр.
4. Вести раскопку по квадратам с разделением на слои или горизонты с отдельной регистрацией всех находок по квадратам и слоям.
5. Все вертикальные промеры вести инструментально (при помощи нивелира) от условной нулевой горизонтали, намеченной обмерами проф. П. И. Голландского в 1926 г.

На работу взято через профсоюз Рабземлед 10 человек. Кроме того, приглашены практиканты: Меметов Абдулла, чл. ВЛКСМ, слушатель Техникума Куспрома ВСНХ в Бахчисарае и молодой местный краевед Николай Максютенко. Все указанные рабочие и практиканты принимали уже участие в раскопках 1925–1926 гг. в Старом Крыму и имеют некоторый опыт в производстве этих работ.

Коллективная командировка членов Экспедиции была зарегистрирована в Старо-Крымском местном совете.

К работам приступали имея на руках телеграфное разрешение начальника Главнауки РСФСР, полученное 5/VIII с.г. на основании сделанной Бахчисарайским музеем заявки» [50].

О.-Н. А. Акчокраклы, У. А. Боданинский, Э. Я. Бэр, П. И. Голландский и Н. Л. Эрнст, подытоживая работы, произведенные в течение 10–24 августа 1928 года в Старом Крыму, отмечали в отдельном акте от 30 августа 1928 года:

«1) Расчищены до каменного плиточного пола дворика медресе участки по ряду 13-му генерального плана: М, К, I, H, G, F, и E, а также части соседнего ряда 14-го I, H, G, F и E до стены Сев[еро]-Зап[адного] корпуса здания.

2) Расчищено все пространство северной комнаты ниши здания, т.е. участки 14К, 15К, 16К, 14М, 15М, 16М до пола ниши.

3) Расчищены до пола внутренние пространства двух комнат С.-Зап. корпуса здания на уч[астке] 15Н и смежных 15Е и смежных, т.е. первой и третьей от ниши.

4) Расчищен коридор в С[еверо]-Зап[адном] углу здания вплоть до границы рядов В и С.

5) Расчищены участки 2 до 11 по рядам К, L и M, а также участки 5N и 6N.

По границе нераскопанной территории между рядом I и K оставлен срез, обрванный вертикально, высотой до 1.00 м., также, как в обоих коридорах С[еверо]-Западном и Ю[го]-Восточном.

Немногие обнаженные при раскопках горизонтальные поверхности стен здания смотрителю Э. Я. Бэру вменено в обязанность обмазать жирной глиной с примесью соломы для предохранения от порчи.

Профилеванные камни восточного пилона южной ниши здания на уч[астке] 5N, обнаруженные лежащими на сыпучем мусоре, ему же вменено в обязанность подпереть дубовыми подпорками, а лежащую рядом в мусоре в коридоре капитель колонны вынести и положить рядом с базой ее на уч[астке] 6N.

В течение раскопочных работ все обнаруживаемые детали здания обмерялись и фотографировались. Сделано 34 фото-снимка раскопок 13x18 и 10x15 см. и 27 чертежей. Все вертикальные обмеры производились с помощью нивелира.

Вся раскопочная работа велась послойно – квадратным методом разделением всей наносной почвы здания на 4 горизонта. Все находки и наблюдения регистрировались по слоям и квадратам. Мусор из раскопок вывозился тачками на расстояние 25–30 м. от раскапываемого здания.

Все материалы из раскопок, чертежные, фотографические, дневниковые и найденные предметы (кроме громоздких лапидарных) передаются Бахчисарайскому музею» [51].

Исследования Н. Л. Эрнстом памятников в районе Карасубазара подтолкнуло краеведа к подготовке очерка об этом районе. Он был опубликован в книге для самостоятельной работы учащихся крымских школ [52].

В 1928 и 1929 годах Н. Л. Эрнст трудился в качестве «действительного члена» в Крымском научно-исследовательском институте, который функционировал при местном пединституте. На средства Главнауки, выделенных этому учреждению, П. А. Двойченко и Н. Л. Эрнст занимались раскопками реликтовых гротов и останков ископаемых слонов в Крыму [53].

Письмо Н. Л. Эрнста в Главнауку с просьбой о выдаче открытого листа на раскопки в 1929 году датировано 25 февраля этого года [54]. Этот археологический период был для ученого не менее интенсивным [55].

А вот на сезон 1930 года Николай Львович получил открытый лист не сразу. 30 мая 1930 года он вынужден был вторично высылать чиновникам отчет о своих работах в 1929 году с разъяснениями о предполагаемых исследованиях [56].

В 1931 году «заведующий Археологическим отделом Центрального музея Тавриды, заместитель председателя Крымского областного бюро краеведения и председатель Секции истории, археологии и этнографии Крыма» Н. Л. Эрнст обратился в Комиссию по раскопкам с просьбой о выдаче открытого листа на исследования Чокурчинской стоянки близ Симферополя и курганов в Джанкойском районе [57]. К письму прилагался составленный археологом «Отчет о раскопках палеолитической стоянки в Чокурчинском гроте у Симферополя в 1930 г.» [58]. Благожелательное заключение по этому поводу [59] для Комиссии по раскопкам подготовил П. П. Ефименко [60], благодаря чему исследования были продолжены и в сезон 1931 года [61].

Оказавшись в 1938 году в следственном изоляторе НКВД Н. Л. Эрнст, по требованию чекистов, подытожил результаты своих археологических исследований: «В течение соевей деятельности в Крыму при Соввласти, т. е. на протяжении почти 20 лет я произвел в Крыму много разных археологических раскопок, поисков и обследований. (Полный список своих раскопок я при сем прилагаю). При анализе их со стороны выбора объектов, тематики древних народов, от которых они остались, выявляются следующие основные группы памятников, над которыми я производил исследования, раскопки, поиски, обследования. 1) Стоянки первобытных древнейших людей древнего каменного века, ледникового периода, в пещерах горного Крыма. 2) Древности первобытных людей бронзового века в виде стоянок, каменных гробниц, курганов, т. е. древности тавров и киммерийцев в горном и степном Крыму. 3) Скифские древности в виде городищ, могильников, курганов, укреплений и пр[очее] в предгорном и степном Крыму. 4) Средневековые греческие памятники в виде пещерных городов, укреплений и могильников. 5) Средневековые древности крымских татар золотоордынского времени в виде развалин городов, зданий, погребений. Итак, каменный век, тавры, скифы, средневековые греки и татары – вот основные темы моей археологической полевой исследовательской работы в течение стольких лет, а потому они же и темы печатных научных моих трудов. Это темы, конечно, существенные и давшие при этих моих исследованиях существенных результатов, особенно по каменному веку и скифам, однако темы как бы «чисто познавательного» характера. Они нисколько не касаются ни острых социальных проблем, выдвигавшихся советской исследовательской марксистской наукой за эти годы ни более острых политических вопросов, выдвигавшихся современным международным положением. Таким образом, это тематика научной работы беззубая, аполитичная. Занимаясь с большим рвением этими объектами изучения, я тем самым отмахивался от вопросов жгучих, злободневных. Я окопался, таким образом, за своим каменным веком, таврами, скифами, прятался за них, чтобы не изучать и не проявлять себя и высказываться в вопросах наименее актуальных. Получались беззубые аполитичные исследования и беззубое аполитичное отражение их в печатных научных работах и в музейной экспозиции. Делал это я таким образом для того, чтобы не ставить в проблемах более острых и актуальных вопрос ребром, чтобы не быть принужденным высказываться по ним четко, вразумительным, членораздельным и исчерпывающим образом и выявлять внятно свою позицию за и против» [62]. Вынужденные, выбитые слова крупного ученого...

Список литературы

1. Фиельstrup Федор (Теодор) Артурович (1889–1933) – этнограф, тюрколог. Родился в Санкт-Петербурге в семье инженера, выходца из Дании. После окончания историко-филологического факультета Петроградского университета (1916 г.) – сотрудник Музея антропологии и этнографии АН. После большевистского переворота покинул столицу. С 1918 года занимался составлением карты этнического состава Приуралья и Томской области, преподавал в Томском университете. В годы Гражданской войны служил переводчиком в армии А. В. Колчака. С 1921 года – научный сотрудник Русского музея и Комиссии по изучению племенного состава населения СССР при АН СССР. В 1923 году по заданию и на средства Русского музея занимался в Крыму приобретением предметов быта крымских татар для экспозиции музея (см. перечень привезенных вещей: Крымские татары: Каталог коллекций / Гос. музей этнографии народов СССР ; сост. Э. Г. Торчинская, Е. Б. Кочетова. – Ленинград,

1989. – С. 6+табл.; документы об экспедиции см.: РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 106, л. 11–19 об. Открытый лист Ф. А. Фиельструпа на проведение палеоэтнологических исследований в Крыму см.: РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 106, л. 3. Документы о совместных раскопках Г. А. Бонч-осмоловского, Ф. А. Фиельструпа и Н. Л. Эрнста в 1923 году см.: ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1923 г.), д. 94, л. 1–16.). Впоследствии Ф. А. Фиельstrup занимался изучением народов Средней Азии и Кавказа. Ученого арестовали 26 ноября 1933 года по «делу Русской национальной партии» («Дело славистов») за якобы «принадлежность контрреволюционной фашистской организации». Скончался во время следствия 7 декабря 1933 года, когда во время допроса ему влили в рот крутой кипяток. См. о нем: Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Востоковеды в деле «Российская национальная партия» // Восток=Oriens. – Москва, 1994. – № 5. – С. 228–229; Карамышева Б. Х. От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: Жизненный путь Ф. А. Фиельструпа // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. Д. Д. Тумаркин. – 2-е изд. – Москва: Восточная литература, 2002. – С. 152–163; Люди и судьбы: библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в Советский период (1917–1991) / сост. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. – Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2003. – С. 388–389.
2. В археологическом обществе // Красный Крым. – Симферополь, 1923. – № 290 (915). – 25 декабря. – С. 6; Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930). – Симферополь, 1931. – С. 14.
3. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1923 г.), д. 88, л. 2.
4. Там же, л. 2–3 об.
5. Бонч-Осмоловский Г. А. Остатки древне-палеолитического человека в Крыму // Природа. – Ленинград, 1926. – № 5/6. – Стб. 59–66, 1 рис.+2 фото в тексте; Эрнст Н. [Л.] Археологическое открытие в Крыму // Красный Крым. – Симферополь, 1923. – № 257. – 16 ноября. – С. 2.
6. Археологические раскопки у Симферополя // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 183 (1101). – 12 авг. – С. 5; Археологические раскопки // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 188 (1104). – 17 авгу. – С. 5; № 192 (1110). – 22 августа. – С. 5; -й. Скифское погребение у Бахчи-Эли // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 188 (1104). – 17 авг. – С. 5.
7. Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) – историк-крымовед, доктор исторических наук, профессор. После окончания Санкт-Петербургского университета и столичного Археологического института работал в Русском археологическом институте в Константинополе, позже – Петроградском университете. В дальнейшем ученый преподавал в Московском, Самарском университетах, Калининском, Московском имени В. П. Потемкина, Ярославском имени К. Д. Ушинского педагогических институтах. В последнем он заведовал кафедрой всеобщей истории. С 1924 по 1933 год являлся сотрудником Государственного Исторического музея. С 1924 по 1934 годы – действительный сотрудник Института археологии и искусствознания и Института народов Востока РАН. См. о нем: Пятышева Н. А. С. Башкиров // Советская археология. – Москва, 1963. – № 3. – С. 316–317; Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. – Москва: Знак, 2004. – С. 205–206, 227–244. См. собственноручно заполненные им анкеты: ПФАРАН, ф. 155, оп. 2, д. 48, л. 8–12. Личное дело А. С. Башкирова см.: ГАРФ, ф. А-2307, оп. 22, д. 64.
8. НАФРФИИФЭ, ф. 13, оп. 3, д. 56, л. 13–13 об.
9. ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 106–106 об.
10. Там же, д. 592, л. 4 об. –5.
11. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 110, л. 1
12. Там же, л. 1–3.
13. Там же, д. 109, л. 8.
14. Там же, л. 8–34.
15. Там же, л. 4–7.
16. Там же, л. 41–42.
17. Эрнст Н. [Л.] Раскопки древнейших культур Крыма // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 232 (1150). – 8 октября. – С. 3.
18. Эрнст Н. [Л.] Раскопки татарских древностей в Бахчисарае: Кладбище XIV – XV веков // Красный Крым. – Симферополь, 1924. – № 245 (11163). – 23 окт. – С. 4.
19. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 116, л. 2–2 об.
20. Эрнст Н. [Л.] Археологические раскопки у дер. Красная Горка // Красный Крым. – Симферополь, 1925. – № 243 (1461). – 22 окт. – С. 3.

21. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 116, л. 11–25.

22. Там же, л. 9–10.

23. Эрнст Н. [Л.] Кыз-Кермен, девичья крепость // Красный Крым. – Симферополь, 1925. – № 276 (1494). – 2 декабря. – С. 2.

24. В. В. Бунак в 1912 году окончил естественное отделение Московского университета с дипломом I степени. Ученик академика Д. Н. Анучина. В 1922 году усилиями Д. Н. Анучина и В. В. Бунака, на основе открытой в 1919 году кафедры антропологии Московского университета, был создан Научно-исследовательский институт антропологии при Московском университете. После смерти Д. Н. Анучина в 1923 году В. В. Бунак занял должность директора Института антропологии и заведующего кафедрой антропологии Московского университета. См. о В. В. Бунаке: Бадер О. Н., Воеводский М. В. Краткий очерк археологических исследований Института, кафедры и Музея антропологии МГУ // Ученые записки Московского гос. ун-та. Сер.: Биология (Юбилейная серия). – Москва, 1940. – Вып. 14. – С. 243–247; Илларионов В. Т. Опыт историографии палеолита СССР. II: Обзор исследований палеолитического периода научными учреждениями и обществами СССР. – Горький: Горьковское обл. изд-во, 1947. – С. 36.

25. Борис Сергеевич Жуков (1892–1934) родился и получил первоначальное образование в Нижнем Новгороде. В 1918 году поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Научным руководителем его стал Д. Н. Анучин, который оставил подавшего надежды выпускника при кафедре антропологии для подготовки к профессорскому званию. Затем преподавал в МГУ. Занимался изучением каменного века в Прибалтике. В Государственном центральном музее народоведения заведовал отделом Индонезии, Австралии, Океании и Африки. Основные археологические коллекции, добытые Б. С. Жуковым в экспедициях, были сконцентрированы в созданном им новом Музее Центрально-черноземной промышленной области. В 1926 году Б. С. Жуков сменил В. А. Городцова на посту заведующего археологическим подотделом Главнауки Наркомпроса РСФСР. Значительные археологические исследования в Крыму ученый лично провел в 1927–1929 годах, когда изучал стоянки с микролитическим инвентарем на Ай-Петринской яйле: Ат-баш, Балин-Кош и Юсуповский бассейн, раскапывал раковинные кучи у Ласпи. Эти стоянки он считал мезолитическими, тарденуазскими. В 1931 году ученый был арестован по надуманному обвинению и скончался в заключении. Причиной его уничтожения была, скорее всего, не длительная поездка по европейским столицам в 1929 году (Берлин – Париж – Дания – Скандинавия – Финляндия) с целью изучения уникальных музейных коллекций и условий их хранения. Б. С. Жуков как крупный музейный деятель не устраивал власть своим противодействием негласной кампании по разгрому русских музеев и разрушению памятников старины, практиковавшихся в эти годы в СССР, в частности – массовой продаже ценностей за границу. Внедрявшиеся в эти годы в науку, в музейное дело выдвиженцы, проводившие линию партии в противовес подвижнической деятельности интеллигенции, безусловно, не могли не столкнуться с такой глыбой как Б. С. Жуков, которого просто убрали с дороги... См. о Б. С. Жукове: Бадер О. Н., Бунак В. В. Памяти Б. С. Жукова // Вопросы антропологии. – Москва, 1963. – Вып. 15. – С. 146–148; Бадер О. Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // Советская археология. – Москва, 1968. – № 4. – С. 234–237; Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. – Москва: Знак, 2004. – С. 203; Формозов А. А. Статьи разных лет / Курский гос. мед. ун-т. – Курск, 2008. – С. 71–84.

26. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 113, л. 1–141; д. 115, л. 1–31. Отто Николаевич Бадер (1903–1980) – крупный советский археолог, историк первобытного общества, доктор исторических наук (1964 г.). Окончил Московский университет (1926 г.) с 1924 года заведовал Археологическим отделом Музея Центрально-промышленной области в Москве, затем – научный сотрудник, а с 1931 года – ученый секретарь Института антропологии МГУ. Одновременно в 1927–1930 годах сотрудничал в Музейном отделе Главнауки Наркомата просвещения РСФСР в качестве специалиста по археологии. С 1933 года – старший научный сотрудник Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры (с 1939 г. – ученый секретарь). В 1937 году без защиты диссертации О. Н. Бадеру присвоена ученая степень кандидата исторических наук «по совокупности работ». См. о нем: Кольцов Л. В. Памяти Отто Николаевича Бадера // Советская археология. – Москва, 1980. – № 2. – С. 286–287; Равдоникас В. И. О научной деятельности О. Н. Бадера. – ПФАРАН, ф. 1049, оп. 1, д. 150, л. 1; Титова О. М., Кепин Д. В. Внесок О. М. Бадера у розвиток музейної справи // Праці Центру

- пам'яткознавства / НАН України; УТОПК. – Київ, 2007. – Вип. 12. – С.171–180. Документы о раскопках О. Н. Бадера на Южном берегу Крыма см.: ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 180, л. 1–17.
27. Анциферов Н. П. Особенности краеведческого движения в Крыму // Краеведение. – Ленинград, 1928. – Т. 5, № 4. – С. 210. См. также: ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 153, л. 1–29.
28. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 153, л. 1.
29. Там же, оп. 1 (1929 г.), д. 188, л. 1–11.
30. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 146 об.
31. Там же, Т. 3, л. 32.
32. Археологические раскопки в Крыму // Известия ЦИК СССР. – Москва, 1926. – № 159 (2790). – 14 июля. – С. 4; Археологические раскопки в 1926 г. в СССР // Краеведение. – Ленинград, 1927. – № 2. – С. 219–236.
33. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 149, л. 5–8.
34. [Забнин С. И.] Раскопки в Неаполисе // Красный Крым. – Симферополь, 1926. – № 116 (1633). – 23 мая. – С. 3. – Изд. под псевд.: З-н С.
35. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 198, л. 1–3. См. также: Колтухов С. Г., Юрочкин В. Ю. От Скифии к Готии: Очерки истории изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в до н. э. – VII н. э.) / Крымский филиал Ин-та археологии НАН Украины. – Симферополь: Сонат, 2004. – С. 49–50.
36. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 146, л. 6–7.
37. Там же, л. 2–2 об.
38. Там же, л. 9–10, л. 11 план. Рукопись опубликована. См.: Исследование могильника Нейзац: Сборник научных статей / Под ред. предисл. И. Н. Храпунова, Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь: Доля, 2011. – 274 с.
39. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 146, л. 13–13 об.
40. См. подробнее: Платонова Н. И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX – первая треть XX вв.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / 07.00.06 – археология; Ин-т истории материальной культуры РАН. – Санкт-Петербург, 2008. – 51 с.
41. ГААРК, ф. Р-2865, оп. 2, д. 4, л. 2–2 об.
42. Там же, л. 3.
43. К возобновлению раскопок в Сюреньской пещере // Красный Крым. – Симферополь, 1927. – № 147 (1967). – 30 июня. – С. 2.
44. Бонч-Осмоловский Г. А. Предварительные данные о раскопках Крымской экспедиции Зоологического музея Академии наук СССР в 1927 г. // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: По случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; Под ред. А. Н. Деревицкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. – Севастополь, 1927. – С. 42. См. также о значении археологических исследований Г. А. Бонч-Осмоловского и Н. Л. Эрнста в Крыму: Илларионов В. Т. Опыт историографии палеолита СССР. II: Обзор исследований палеолитического периода научными учреждениями и обществами СССР. – Горький: Горьковское обл. изд-во, 1947. – С. 195, 144–1445, 154, 158, 168–169, 180; Илларионов В. Т. Введение в историографию древней истории. – Горький: Изд-во Горьковского ин-та, 1960. – С. 205, 221, 230, 235. Документальные материалы о раскопках Н. Л. Эрнста в 1927 году см.: ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 146.
45. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 134, л. 4–4 об.
46. Там же, л. 3.
47. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 164, л. 4 об.
48. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымско-татарского просветителя Усеина Боданинского / Под ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь: СГТ, 2007. – 240 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 9).
49. Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; Под ред., вступ ст. А. А. Непомнящего; Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – Симферополь, 2008. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 11). – С. 129–130. Этот же документ воспроизведен и в названной выше монографии У. К. Мусаевой (стр. 157–159).
50. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 164, л. 20–20 об.
51. Мусаева У. К. Указ. соч. – С. 160, 162.

52. Эрнст [Н. Л.] Карасубазар в прошлом и настоящем // Крым: Книга для работы в школе I ступени / Н. А. Иванова, О. З. Лычагина, В. И. Хваленский, З. Г. Ямпольская и др. ; под ред. Г. П. Вейсберга и др. – 2-е изд. – Симферополь: Крымгосиздат, 1928. – С. 111–113.
53. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 220, л. 2.
54. Там же, оп. 1 (1928 г.), д. 134, л. 5.
55. См. служебную переписку и краткий отчет Н. Л. Эрнста за этот период: ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1929 г.), д. 150, л. 1–4.
56. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1930 г.), д. 143, л. 2, 3–3 об.
57. Там же, оп. 1 (1931 г.), д. 792, л. 1.
58. Там же, л. 3–14.
59. Там же, л. 15.
60. Петр Петрович Ефименко (1884–1969) – археолог, исследователь палеолита, доктор археологии (1934 г.), профессор, академик АН УССР (1945 г.). В то время – научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, Государственного Эрмитажа и Музея антропологии и этнографии АН СССР. В 1945–1954 годах – директор Института Археологии АН УССР.
61. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1931 г.), д. 792, л. 20–21.
62. Архив ГУ СБУ в АРК, ф. 8, оп. 1, д. 010598, т. 1, л. 162 об. –163.

Непомнящий А. А. До відновлення географії археологічних досліджень М. Л. Ернста в Криму / А. А. Непомнящий // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 2 : спецвипуск «Історія України» – С. 83–95.

На підставі документальних джерел рукописного відділу Наукового архіву Інституту історії матеріальної культури Російської академії наук і слідчої справи краєзнавця відновлено історію археологічних розкопок та розвідок М. Л. Ернста на кримських теренах.

Ключові слова: М. Л. Ернст, археологічні розкопки та розвідки, кримознавство.

Непомнясchiy A. To restoration of geography of N. L. Ernst's archeological researches / A. Nepomnyaschiy // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2011. – Vol. 24 (63), No 2 : “History of Ukraine”. – P. 83–95.

On the basis of documents from the manuscript department of the Scientific Archive of the Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and scientist's investigation case an attempt of reconstruction of the history of N. L. Ernst's archaeological excavations and explorations in the Crimea has been made.

Keywords: N. L. Ernst, archaeological excavations and explorations, Crimean studies.

Поступила в редакцію 01.11.2011 г.